

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21
DOI 10.26170/pl19-05-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

«Шапки снимать будем?..»: Юрий Андропов и Константин Черненко

АННОТАЦИЯ. *Статья продолжает авторскую серию психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие материалы были посвящены советским партийным и государственным деятелям — Лазарю Кагановичу и Никите Хрущеву, Леониду Брежневу и Михаилу Горбачеву. Данная статья — это обращение в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Создание автобиографического нарратива определяет главное: политический лидер выступает в истории страны как диегетический нарратор. Анализируются интенциональные речевые действия политика в рамках нарративной повествовательной стратегии с использованием интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Исследование выполнено в парадигме современной нарратологии, которая интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленности) и фактуальности (действительности), а также типами нарраторов (повествователей) и образом автора. Отмечается, что и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко в меньшей степени, чем, например, Л. И. Брежнев, акцентируют свою роль в исторических событиях, отсюда характеризующее их дискурс изменение стиля: стиль становится более документальным, сухим, повествовательным, реже прорывается субъективность изложения, исчезает разоблачительная традиция 60-х годов. В избранные труды политического деятеля начинают включаться стенограммы, что демонстрирует приверженность бюрократическому, а не литературному стилю. Демонстрируется, как в подобных текстах переплетаются мифологическое и документальное начало.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиографии политиков; политическая лингвистика; политический дискурс; политическая психология; политические деятели; стратегии чтения; интерпретация текстов; политический нарратив; лингвоперсоналогия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. «Шапки снимать будем?..»: Юрий Андропов и Константин Черненко / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 34-45. — DOI 10.26170/pl19-05-03.

Введение. Статья продолжает авторскую серию исследований, посвященных автореферентному дискурсу советских политических деятелей второй половины XX в. Эта проблематика становится в последние годы все более актуальной. По мнению А. П. Чудинова, лингвополитическая персоналогия является пограничной областью языкознания, оформившейся на стыке политической лингвистики и лингвистической персоналогии. Последняя, в свою очередь, методологически восходит к исследованиям в области теории языковой личности и социально-речевого портретирования. Успешно пользуясь методологическими достижениями обозначенных дисциплин, лингвополитическая персоналогия в то же время активно расширяет границы собственных практических изысканий. Наряду с изучением политического дискурса современности актуальным представляется обращение к историческому

(диахронному) портретированию руководителей страны.

Аналитический обзор публикаций по названной тематике позволил его авторам — А. П. Чудинову, Е. А. Нахимовой и М. В. Никифоровой — говорить о том, что изучение коммуникативного облика политических лидеров, занимавших высшие государственные должности и добившихся значительных успехов в своей деятельности, являет собой перспективную область исследования современной лингвополитической персоналогии. Тем самым расширяется предметная сфера исследования политической лингвистики, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение междисциплинарных связей лингвополитической персоналогии и других отраслей современного гуманитарного знания — политологии, социологии, историографии и др. Представляется, что подобного рода тенденции в полной мере отражают

установку современной науки на интегративность исследовательских подходов, которая призвана обеспечить многомерное, комплексное описание рассматриваемого феномена [Чудинов 2018: 14—15, 24].

В настоящей статье речь пойдет о двух советских политиках, на недолгое время после смерти Л. И. Брежнева и перед приходом во власть М. С. Горбачева поочередно возглавлявших СССР — Ю. В. Андропове и К. У. Черненко. Недолгое, потому что первый руководил государством всего два года, а второй — всего год. Оба завершили некий отрезок истории первого в мире социалистического государства. Завершили своеобразным, как выразился главный кремлевский врач той эпохи Евгений Чазов, «хороводом смертей».

История, как известно из классической немецкой философии, повторяется дважды. Первоисточник этой мысли — слова немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831), на что указывал К. Маркс в своем сочинении «18-е брюмера Луи Бонапарта», когда приводил эту гегелевскую мысль, сопровождая ее своей ссылкой: «Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй — как фарс» [Маркс 1957: 342].

Действительно, смерть Ленина и Сталина воспринимались по преимуществу как трагедия. А на похоронах Ю. В. Андропова произошло то, что стало впоследствии историческим анекдотом: «Шапки снимать будем? Морозно...» — сказал К. У. Черненко, обращаясь к председателю Совмина^[1] Н. А. Тихонову. Микрофон был включен, и эти слова услышала вся страна.

Неснятие головного убора на похоронах в русской лингвокультуре — это не только нарушение традиции, это симптом деконструкции лингвокультуры в целом, так как привычное представление, по Ж. Деррида, лишается именно глубины (архетипичности) традиции и становится тривиальным, выходя в том числе из-под речевого контроля субъекта [Деррида 2000: 32]. Именно это явление было зафиксировано в литературе соц-арта, того же В. Сорокина, когда в романе «Тридцатая любовь Марины» диалоги героев переходят в длинный слитный текст, не связанный с изначальным сюжетом и имитирующий поток советской пропаганды времен Ю. А. Андропова и К. У. Черненко [Сорокин 2017: 385 и сл.].

Заголовок статьи — это аллюзия не только на слова Константина Устиновича Черненко, но и на всю дискурсивную ситуацию заката эпохи развитого социализма.

Биографическая справка. Андропов Юрий Владимирович (2 июня 1914 — 9 февраля 1984) — советский государственный и политический деятель, руководитель СССР в 1982—1984 годах. Председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967—1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983—1984) [Медведев 2012].

Черненко Константин Устинович (11 сентября 1911 — 10 марта 1985) — советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС с 13 февраля 1984 г., Председатель Президиума Верховного Совета СССР с 11 апреля 1984 г. (депутат с 1966 г.). Член ВКП(б) с 1931 г., ЦК КПСС — с 1971 г. (кандидат с 1966), член Политбюро ЦК КПСС с 1978 г. (кандидат с 1977). Руководитель СССР с 1984 по 1985 г. [Прибытков 2009].

Материалы к исследованию. Ю. В. Андропов и К. У. Черненко удостоились издания так называемых избранных сочинений. Небольших по объему и не переиздававшихся с того времени. В 1983 г., к концу второго года пребывания Ю. Андропова у власти, выходят «Избранные речи и статьи», охватывающие период с 1942 (статья «Мы защитим тебя, Карелия родная!», опубликованная в журнале «Смена») до 1983 г. «Избранные речи и статьи» К. Черненко вышли в 1984 г., в первый и последний год его пребывания во власти.

Оговорим, что опора на такого рода издания в исследовании политического дискурса важна и продуктивна. Они концентрируют все или основные произведения советского политика в качестве его идеологического, пропагандистского, литературно-художественного или публицистического наследия.

Такое издание — двойственное по хромотопу: ретроспективное и проспективное одновременно. Оно предпринимается тогда, когда уже официально утверждено и признано идейное и идеологическое значение политической личности как вождя для общества и наступило время его исторического или актуального изучения. Обращение к такому источнику продуктивно, так как в нем на самом поверхностном уровне совершаются различные операции с информацией. В данном контексте уместным оказывается образ «выпрямления коммуникации», предложенный В. В. Дементьевым. Он обусловлен решением прагматических задач идеологического воздействия на адресата [Дементьев 2010: 244].

Кроме того, оно содержит в себе образ автора, обладает комплексной структурой и

формой, характеризуясь «мягкой формализацией», обнаруживает определенную степень ритуализации, занимая некое место среди иных социолингвистических типов «советского дискурса», а именно дискурса политического. Тем самым «избранные речи и статьи» как жанр занимают важное, с точки зрения политической лингвистики, место в системе русской лингвокультуры XX в. [Базылев 2018].

Говоря о решении прагматических задач, мы имеем в виду следующее. Во-первых, выход в свет подобного издания был государственным мероприятием идеологического, научного и культурно-исторического значения. Во-вторых, их адресат, т. е. советский читатель, никогда не был просто адресатом и пассивным потребителем этих политических нарративов. По словам Е. А. Добренко, согласно общественно преобразующей доктрине, лежавшей в основании соцреализма, он был объектом преобразования и формовки. Он сам оказывался существенной активной частью общего политико-идеологического проекта, который состоял в ковке и перекровке человеческого материала [Добренко 1997: 97].

Надо признать, что в жанре «собрания сочинений» советская культура вплоть до последних изданий «трудов» Ю. В. Андропова и К. У. Черненко действительно реализовала авангардный политико-идеологический проект. Соцреалистическое «собрание речей и статей» вождей было своеобразной встречей и культурным компромиссом двух потоков: массы и власти.

Методика исследования. В своем исследовании мы ориентируемся на теоретические постулаты, которые, как нам представляется, оптимально соответствуют исследовательской задаче — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизующего его самосознание и саморепрезентацию. Во-первых, речь идет о работах В. В. Нурковой, которая предлагает оценивать часть эмпирики жизненного опыта как релевантную систему смысловых образований личности, презентующую сознание субъекта в форме различных структурно-функциональных единиц. Каждому уровню при этом соответствует специфичная система единиц анализа. Микроуровень функционирования автобиографической памяти представлен единицами «воспоминаний», которые могут актуализироваться по типу «фотографических», «важных», «переломных» и «характерных», а макроуровень — единицами жизненных тем, истории жизни, представления о своей судь-

бе как целостности и иллюзорного «мгновенного жизненного обзора» [Нуркова 2010: 69]. Помимо этого, предлагается понимать автобиографический нарратив как реализацию цели в рамках мотивированной деятельности. Его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей и ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить место мотива в иерархии, связанной с актуализацией воспоминания. Автобиографический нарратив является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект. Семиотическая опосредованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека [Нуркова 2008: 20].

Отталкиваясь от обозначенного выше современного подхода к автобиографии политического деятеля, мы оказываемся в ситуации, когда становится необходимым взглянуть на его тексты с позиций понимания и оценки их искренности, чтобы не оказаться в ситуации ложного понимания, спровоцированного намеренной установкой на манипулирование массовым сознанием автора и/или издателя «избранных работ». Это обязывает нас обратиться к такой классической работе, как исследование С. И. Плотниковой о неискреннем дискурсе. В главе, посвященной герменевтическим основам верификации неискренного дискурса, С. И. Плотникова указывает на то, что интендирование, или осознанная направленность на понимание, является важным приемом, позволяющим поставить предел неискреннему дискурсу [Плотникова 2000: 200—201].

Исходя из очерченных выше исследовательских предустановок, мы обращаемся в статье к таким аспектам нарратива, как автобиографическая парадигма Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, к их эго-памяти, к документальному и мифологическому в их автобиографиях.

Автобиографическая парадигма политика. Когда читатель берет в руки тексты Ю. В. Андропова или К. У. Черненко, первое, что привлекает внимание, — это высокая степень обобщения в восприятии своей судьбы как части биографии целого поколения. Последнее же с неизбежностью ведет к эпизоду описываемого.

Издание текстов Ю. В. Андропова начинается с его воспоминания о 40-х годах:

«Вспоминаю первые дни войны. На одну пограничную заставу пришли девушки из соседнего села. Пришли в праздничных, парадных платьях и сказали:

— Мы будем с вами. Вместе будем отстаивать границу. Дайте винтовки: стрелять ведь вы сами нас научили.

И они сражались храбро и стойко, помогая бойцам отражать бешеный напор врага» [Андропов 1983: 21].

Напомним, что в июне 1940 г. Ю. В. Андропов был направлен на комсомольскую работу в образованную 31 марта 1940 г. Карело-Финскую ССР. 3 июня 1940 г. Ю. В. Андропов был избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР.

Ю. В. Андропов понимает, что смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, потому что она принципиально незавершима, а память свободна в вечном преображении прошлого.

Опосредованная же и завуалированная форма саморефлексии при этом позволяет достичь очень высокой степени открытости, что создает своеобразную нарративную маску. Как это постоянно происходит с К. У. Черненко. Дело в том, что основной этап его политической биографии — это заведование с 1965 по 1982 г. общим отделом ЦК КПСС. Отсюда — лейтмотив всех его тестов, которых было достаточно много: К. Черненко постоянно публиковался в ведущих пропагандистских журналах эпохи развитого социализма — «Вопросы истории КПСС», «Международная жизнь», «Проблемы мира и социализма», «Коммунист». Лейтмотив в данном случае понимается по Б. М. Гаспарову [Гаспаров 1994: 28], как основной идейный фон всего письменного наследия К. У. Черненко, настойчиво повторяемый речевой оборот в его текстах. К. У. Черненко отождествляет себя с работой, со своим постом в партийной иерархии. Важнейшим элементом в этой деятельности была его (!) «работа с письмами трудящихся».

«Демократизм внутрипартийной жизни, советский социалистический демократизм находят свое яркое проявление в том, что Коммунистическая партия и Советское правительство во всей своей деятельности опираются на коллективный разум и мудрость народа, советуются с ним по всем вопросам, имеющим большое государственное значение. В последние годы партийные и советские органы все полнее учитывают и претворяют в жизнь высказанные на собраниях, митингах, в письмах предложения и пожелания коммунистов и беспартийных. Важнейшие из предложений и рекомендаций трудящихся учитываются Центральным

комитетом партии при вынесении решений по тем или иным вопросам. В работе с письмами трудящихся в последние годы стало больше четкости, оперативности, деловитости...» (Из статьи в журнале «Вопросы истории КПСС 1971 года) [Черненко 1984: 32—33].

«Все вы, товарищи, хорошо знаете, какое большое внимание уделяет вопросам работы с письмами и устными обращениями трудящихся Центральный Комитет нашей партии <...>» (Из доклада на Всесоюзном совещании партийных работников 1980 года) [Черненко 1984: 334].

В процессе повторения или варьирования этот лейтмотив не только вызывает устойчивые ассоциации у адресата, но и обретает особую идейную и идеологическую значимость. При этом учитывался опыт адресата, так как он был главным потребителем этого дискурса. В этом случае понимать слова К. У. Черненко следует как отчет о своей (!) работе.

Помимо этого, в автобиографическую парадигму органично включается сосредоточенность политиков на осмыслении собственной жизни, на описании становления себя как лидера, на стремлении осознать пройденный путь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность, делая повествование о своей жизни логичнее и целенаправленнее. Как, например, у Ю. В. Андропова.

«Близость фронта нас ко многому обязывает. И мы прилагаем все усилия, чтобы помочь нашим бойцам крепче бить врага <...> Весной для армии понадобились накомарники. Комсомольцы стали их изготавливать. Было объявлено соревнование. <...> Армии нужны маскировочные халаты — комсомольцы шьют халаты. Летом наши комсомольцы взялись сделать для армии несколько тысяч колец к лыжным палкам. <...> К зиме комсомольцы республики взяли обязательство восстановить старое обмундирование бойцов...» [Андропов 1983: 24].

А К. У. Черненко по сути, как мы указывали выше, идентифицирует себя с деятельностью возглавляемого им органом ЦК КПСС: вначале в неопределенно-личном дискурсе, но постепенно переходя к дискурсу личному (от включенного «мы» к первому лицу «я»).

«Систематически и целеустремленно работает такой орган ЦК КПСС, как Секретариат <...> Регулярно проводятся заседания Секретариата ЦК, внимание которого сосредоточено прежде всего на подборе кадров и проверке исполнения принятых решений <...>» (Из статьи в журнале «Во-

просы истории КПСС 1971 г.). — «Недавно Секретариат ЦК КПСС, рассмотрев записку Общего отдела ЦК, принял постановление „О мерах по усилению контроля за сроками исполнения постановлений и поручений ЦК КПСС“... Я говорю об этом потому, что постановления майского Пленума ЦК относятся именно к такого рода документам... В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что подготовительную работу к Пленуму ЦК КПСС можно по справедливости назвать концентрированным выражением всей сложившейся практики демократического подхода к подготовке и решению такого рода вопросов...» (Из выступления на пленуме Красноярского крайкома КПСС в 1982 г.) [Черненко 1984: 94, 519].

Особенно «прочувствованно» и «задушевно» звучит это «я» на личных встречах с адресатом, пусть и массовым. Например, в качестве кандидата в Верховный Совет СССР.

«Трудно подыскать такие слова, которые вместили бы все, чем я обязан своим избирателям, слова, способные выразить всю глубину чувства благодарности, которые мне хотелось бы высказать сегодня. Но есть простое и, на мой взгляд, задушевное слово — спасибо, которое хочется сказать вам: спасибо вам, уважаемые товарищи и друзья, за высокое доверие, которое вы оказываете мне, за добрые чувства, за прекраснее слова, которые были сказаны в мой адрес, за теплую встречу...» [Черненко 1984: 226].

Это не столько обусловлено личностным субъективным восприятием, сколько освящено исторической ленинской традицией.

«Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что аппарат управления — ближайшие помощники партии в осуществлении ее политики, тесных связей с широкими массами коммунистов и беспартийных, в привлечении их к решению политических, хозяйственных, идеологических задач, в постоянном изучении социальных процессов, происходящих в стране» [Черненко 1984: 65].

Во всех случаях, когда К. У. Черненко цитирует ленинские мысли, он проецирует их на себя и на свою деятельность.

«Ленинский стиль партийной работы <...> Его основные черты — <...> деловитость и организованность, тесная связь с массами, четко налаженный контроль, умелая работа с кадрами, коллективность руководства и другие...» [Черненко 1984: 123].

Так автобиографическую парадигму заполняют события, зафиксированные в его эго-памяти.

Эго-память политика. Ощущение себя как лидера ведет к рефлексии значительности собственного «я» по мере изложения событий во времени. Но оно же, время, ставит некий предел субъективности, так как не все можно выставить на суд адресата, не обо всем можно рассказывать откровенно.

«Недавно в ряде первичных комсомольских организаций нашей республики были проведены собрания с докладами, посвященными истории Карелии, истории совместной борьбы русского и карельского народов против иноземных захватчиков и поработителей. Какой огромный интерес у молодежи вызвали эти собрания! <...> Мы стараемся добиться, чтобы юноши и девушки, уехавшие из родного села в ремесленные училища, на работу в город, не порывали связи с земляками. Письма от земляков, ушедших на производство в город, в армию, являются могучим оружием воспитательной работы. <...> В нашей республике разбиты десятки новых спортивных площадок, цветники, отремонтированы общежития. Но все то, что мы уже сделали, мы рассматриваем только как начало большого и важного дела...» (это из статьи в газете «Комсомольская правда» 1943 г. [Андропов 1983: 27—28]).

А вот фрагмент из выступления К. У. Черненко на торжественном собрании, посвященном вручению ордена Красного Знамени пограничному отряду Краснознаменного Восточного пограничного округа в 1979 г.: «Разумеется, товарищи, я не собираюсь сегодня выступать перед вами с личными воспоминаниями. Но все же несколько слов о том времени я хотел бы сказать <...>. Вы знаете, что для Советской страны начало 30-х годов было непростым периодом, но его пафос состоял в наступлении социализма на всех направлениях государственного, хозяйственного и культурного строительства <...> Служба на границе была пределом мечтаний для нас, тогдашних комсомольцев. А когда мечта эта сбывалась, то молодежь стремилась оправдать высокое доверие и с честью до конца выполнить свой долг...» [Черненко 1984: 256].

Контекстуально дискурс К. У. Черненко вписывается в факт его биографии: в 1931—1933 гг. он служил в 49-м погранотряде пограничной заставы Хоргос в Казахской АССР; в период службы вступил в ВКП(б) и был избран секретарем парторганизации погранотряда.

«Для меня, бывшего пограничника, сегодняшнее событие волнующе вдвойне: именно в вашем пограничном отряде началась моя воинская служба, когда я добровольцем пришел сюда в 1930 году...» [Черненко 1984: 255].

При этом следует отметить, что и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко в меньшей степени, чем, например, Л. И. Брежнев, приукрашивают свою роль в исторических событиях и «выпячивают» себя [Базылев 2017]. Отсюда изменение стиля, характеризующее дискурс Ю. В. Андропова и К. У. Черненко в отличие от дискурса Л. И. Брежнева и брежневской эпохи (особенно на фоне таких автобиографических текстов, как «Малая земля», «Возрождение», «Целина») в целом: стиль становится более документальным, сухим, повествовательным, реже прорывается субъективность изложения, исчезает разоблачительная традиция 60-х годов. В качестве иллюстрации сказанного можно обратиться к стенограмме встречи Ю. Андропова с московскими станкостроителями 31 января 1983 г. [Андропов 1983: 221 и сл.].

Помимо прочего, факт включения в избранные труды политического деятеля стенограммы такого рода также свидетельствует о том, что в начале 80-х годов меняется стиль дискурсивной практики политика: он становится, повторимся, стенографичен, политик все более начинает придерживаться *бюрократического*, нежели литературного стиля. При парадоксальной антонимичности лексической суггестивности текста.

«Важное условие успеха партийного руководства, — говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — заключается в ленинском стиле работы. А ленинский стиль — это стиль творческий, чуждый субъективизму, проникнутый научным подходом ко всем общественным процессам. Он предполагает высокую требовательность к себе и другим, исключает самодовольство, противостоит любым проявлениям *бюрократизма* и *формализма*» (из статьи 1976 г. «Некоторые вопросы ленинского стиля в работе КПСС») [Черненко 1984: 109].

Но это не отменяет традицию мифологического в автобиографии.

Мифологическое в автобиографии. Прочитав Ю. Андропова, фрагмент из его статьи 1942 г.: «Когда по инициативе ЦК ЛКСМ в республике создавался комсомольский лыжный батальон, нам пришлось выдержать буквально натиск добровольцев. Отбор в батальон был строгий. Брали только самых выносливых, самых здоровых, самых сильных лыжников» [Андропов 1983: 21].

Налицо субъективность. Но именно это придает словам Ю. В. Андропова в начале 80-х особую ценность в глазах адресата. Ему открывается авторское отношение к эпохе, воссоздается дух времени. Неважно, что воспоминания зачастую невозможно сопоставить с достоверными фактами. Сте-

пень правдоподобия является в этом случае единственным критерием истинности. Адресату предлагается посмотреть на историческое событие «глазами документа» и «глазами политика». И это несмотря на то, что адресату кажется: факты из жизни политического лидера государства легко проверяемы по тем или иным документальным источникам.

Так же, как и в случае с К. У. Черненко, когда он выступает на встрече со своими избирателями в качестве кандидата в 1979 г.: «Перед отъездом в Кишинев я еще раз проанализировал выполнение ваших наказов и пожеланий, высказанных в период подготовки к прошлым выборам. Эти наказания, как вы помните, сводились в первую очередь к тому, чтобы мы и дальше развивали материальную основу, на которой вырастает коммунистическое общество, укрепляли и развивали нашу государственность, демократию, повышали материальное благосостояние народа, обеспечивали мир, чтобы спокойно можно было строить коммунизм. Помню я и о других ваших наказах: строительство больницы, жилья, некоторых культурных учреждений в Кишиневе. Думаю, товарищи, вы согласитесь со мной, что партия наша, которая опубликовала свою новую предвыборную программу, свое Обращение, может твердо заявить народу: все, что наметила партия перед прошлыми выборами, выполнено. <...> Каждый советский человек знает, что страна наша продвинулась вперед. Еще больше окрепли морально-политическое единство советского народа, всех наций и народностей СССР, сплоченность трудящихся вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального комитета...» [Черненко 1984: 229].

Текст в этот момент перестает быть собственным воспоминанием автора о проделанной работе, только личным прошлым. Текст начинает выполнять иную задачу — он, как гамельнский крысолов, уводит адресата в мир устоявшихся мифологем и красочных лубочных зарисовок.

Вот как Ю. Андропов описывает возвращение карело-финской молодежи к национальным истокам в противовес западному буржуазному влиянию в 1943 г.

«У нас сейчас как-то не принято петь народные песни. Мы поинтересовались на одном из предприятий поселка Сегеж, какие народные песни знает молодежь. Опросили многих. Но только двое ответили, что знают песню о Ермаке и песню о Стеньке Разине (и то не целиком!). Замечательные песни народов нашей страны, воспевающие ратные подвиги богатырей, прославляющие народную стойкость в борьбе против инозем-

ных захватчиков, подчас молодежи вовсе неизвестны.

Еще хуже обстоит дело с народными танцами. Кое-где находятся мудрецы, склонные думать, что плясать русскую, камаринскую, гопака, карельскую кадрили вообще недостойно серьезных людей. Вот, мол, танго — это совсем другое дело. Не потому ли на наших вечерах нередко царит нестерпимая скука?

Однажды на один из таких молодежных вечеров в избу-читальню пришел старый лесоруб. Долго сидел он, глядя па семенящих и толкающихся ребят, увлеченных фокстротом. А потом подошел к гармонисту, подмигнул ему и сказал:

— А ну, резани нашенскую! Да порезвее!..

Собрали круг. Старик замечательно сплясал, за ним пошли и молодые. Получилось хорошо. Старик, разгоряченный танцем, стоял в стороне и, укоризненно покачивая головой, говорил:

— Давно бы так... А то гляжу на вас и прямо молодости не вижу...

В ряде районов республики мы провели семинары организаторов песни и пляски. На эту необычную учебу молодежь собралась из колхозов, с лесопунктов. Многие, должно быть, приготовились слушать доклады. И вдруг вместо лектора пришел баянист с руководителем из Дома культуры. Сначала некоторые смеялись, но потом все были довольны.

Чтобы популяризировать народные и советские песни, мы советуем комсомольским работникам ездить в села с патефоном. Сначала это казалось несколько странным: пристало ли секретарю райкома являться на молодежные собрания с патефоном и пластинками? Книжки, свежие газеты, плакаты — это понятно. Но патефон...

Однако сельская молодежь самым искренним образом приветствовала это начинание. И комсомольские активисты увидели, что ничего зазорного в нем нет.

В Лоухском районе в избах-читальнях и красных уголках отсутствует радиотрансляция. Молодежь хочет послушать песню, выучить ее, а как это сделаешь? Дело дошло до того, что, услышав начало песни „Ты ждешь, Лизавета“, девушки сами присочинили окончание.

И вот в село приехал инструктор райкома, привез патефон, пластинки. Молодежь с жадностью слушала народные песни, записывала слова. Теперь песни поют, их несут из села в село.

В Беломорском районе комсомольцы вместе с работниками Дома культуры вос-

станавливают хор поморов. Кое-что делается и в других районах. Но всего этого, конечно, явно недостаточно. Мы должны восстановить в правах традиционные народные игры, пляски, гулянья. Должны привить молодежи любовь к народной песне, к народным видам спорта» [Андропов 1983: 29—30].

Строго говоря, нельзя понимать подобный дискурс как банальную и формальную реализацию социального заказа — будь то сталинская или брежневская эпоха. Скорее, это константа советской лингвокультуры всего XX в. Это рефлектируют сами политики.

«Есть определенная закономерность в том, что у самых истоков действительно крупных, этапных явлений общественной жизни рождаются проблемы, которые как бы не стареют. Не стареют даже тогда, когда их успешное разрешение в тот или иной период уже наложило неизгладимый отпечаток на ход исторических событий. Проходят годы, сменяются поколения, а проблемы эти по-прежнему волнуют людей, требуют все нового напряжения творческой мысли, вызывают жаркие споры внутри партии...» [Черненко 1984: 495].

40 лет спустя, после повествования Ю. В. Андропова, в программном докладе на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. снова явно прозвучала личная озабоченность руководителя страны о культурно-духовном облике человека первого в мире социалистического государства. Эта озабоченность также есть фрагмент автопортрета — культурного автопортрета политика. Это у него, политика, есть гражданская позиция, партийный подход, идеалы, благородство жизненных целей, идейная убежденность, трудолюбие и мужество и под.

«Исходной в творчестве художника была и остается его гражданская позиция. Лишь партийный подход помогает постигать ведущие тенденции современности. Истинный талант не отгораживается от жизни, не допускает ни лубочного приукрашивания действительности, ни искусственного выпячивания теневых явлений.

Но, чего греха таить, бывает и по-другому. На экране или под пером некоторых авторов на первый план выступают порой лишь неудавшиеся судьбы, жизненные неурядицы, такие развинченные, ноющие персонажи. А человек, особенно молодой, нуждается в идеале, воплощающем благородство жизненных целей, идейную убежденность, трудолюбие и мужество. И таких героев не надо выдумывать, они рядом с нами.

Вызывает беспокойство, что в некоторых произведениях допускаются отступления от

исторической правды, например, в оценке коллективизации, проскальзывают „богоискательские“ мотивы, идеализация патриархальщины. Встречаемся мы и с примерами, когда автор либо теряется перед сложными проблемами, либо пытается щегольнуть „нестандартным“ их толкованием, а в итоге получается искажение нашей действительности. Таких явлений можно было бы избежать, если бы во всех коллективах журналов и издательств более решительно пресекались факты беспринципности, примиренчества, субъективистских пристрастий. В полной мере сказанное относится и к формированию репертуара театра и кино.

Не все удовлетворяет нас и в таком популярном искусстве, как эстрадное. Нельзя, например, не видеть, что на волне этой популярности подчас всплывают музыкальные ансамбли с программами сомнительного свойства, что наносит идейный и эстетический ущерб.

Более тщательно следует подходить к отбору зарубежной духовной продукции, которую мы получаем по культурному обмену. Ведь известно, что наряду с произведениями содержательными к нам попадают фильмы, пьесы, издания, музыка, для которых характерны безыдейность, пошлость, художественная несостоятельность. Нельзя забывать, товарищи, что здесь для нас на первом месте должен быть не коммерческий, а политический подход <...> [Черненко 1984: 588—589].

Это действительно их личные переживания и тревоги, которые и Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко желали передать адресату в надежде на его восприимчивость и нетерпимость к противоположному.

И Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко тем самым манифестировали свою причастность к «великим теням» недавнего прошлого, овеянного ностальгическим туманом и на их глазах превращающегося в миф.

К тому же они помещали свою биографию внутрь биографии всей страны, т. е. каждого советского гражданина СССР.

«Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бессленно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии» [Андропов 1983: 205].

При этом у Ю. В. Андропова следует от-

метить более узкий диапазон этой включенности: исключительно 60-е годы, эпоха Л. И. Брежнева и сам Леонид Ильич. У К. Черненко этот диапазон шире: он позволяет себе включить в него М. И. Калинина и С. М. Кирова, Н. К. Крупскую и К. Маркса, и самого Ю. В. Андропова, а не только В. И. Ленина и Л. И. Брежнева [Черненко 1984: 341, 482, 576, 577, 584, 607].

«С. М. Киров считал, что без изучения местного опыта, без умения доводить дело до намеченного результата невозможно наладить живое руководство деятельностью партийных организаций. „Надо поставить дело так, — советовал С. М. Киров, — чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет, поменьше командуй, поменьше изображай режиссера, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь“» [Черненко 1984: 482].

В тексте дается ссылка на избранные речи и статьи С. М. Кирова 1912—1934 гг. Здесь следует напомнить о том, что именно в период правления К. У. Черненко был запущен очередной, так и не удавшийся, проект по полной политической реабилитации Сталина. В связи с этим укажем в качестве комментария, что впервые такой проект появился еще в начале правления Л. И. Брежнева в середине 60-х. Но первая информация об этом вызвала протестное движение, известное по таким документам, как «Письмо 25-ти» и «Письмо 13-ти» 1966 г. Это была реакция на торжественное заседание в Кремле 8 мая 1965 г., когда Л. И. Брежнев впервые после многолетних умолчаний под аплодисменты зала упомянул имя Сталина. Затем, в конце 1969 года, к 90-летнему юбилею Сталина, М. А. Суслов^[2] организовал ряд мероприятий по его реабилитации и был близок к цели. Однако резкие протесты интеллигенции, включая часть, приближенную к властной элите, заставили и Брежнева, и Суслова свернуть кампанию [Медведев 1992].

Опосредованная и завуалированная форма саморефлексии позволяла в данном случае достичь очень высокой степени откровенности.

«Мне, как вашему депутату, особенно приятно, что трудящиеся Ступинского, Каширского, Серебряно-Прудского и Домодедовского районов вносят достойный вклад в общие трудовые усилия советского народа...» [Андропов 1983: 171].

Общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на коллективную и одновременно индивидуальную историческую память и представляет собой

сильнейший регулятор общественного поведения при поисках ориентира для идентификации.

«Затем к присутствующим обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Дорогие товарищи! Большое спасибо вам за теплую встречу. Я воспринимаю такое ваше отношение как аванс на будущее и постараюсь работать так, чтобы оправдать ваше доверие. Естественно, что это я отношу не к себе лично, а к Центральному Комитету и Политбюро. Спасибо вам за это...» [Андропов 1983: 223].

Разумеется, такое мифотворчество возникает вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывает удовлетворения от принадлежности к нему как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию — потребность в солидарности общественного коллектива. Здесь вновь можно обратиться в качестве примера к стенограмме встречи Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями 31 января 1983 г. [Андропов 1983: 221—222, 229].

Это мы и наблюдаем в советском сообществе 80-х годов, эпохе прихода во власть Ю. В. Андропова и К. У. Черненко — обществе, стремящемся к единению через прошлое. Потому что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях главы государства: Ю. В. Андропова и К. У. Черненко — невольно совмещается с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы их правления, о приемлемости последующего этапа ее истории и подобных вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам. По сути, речь идет о документальной реальности страны, отраженной в автобиографии.

Документальное в автореферентном дискурсе Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Автореферентный дискурс политика группирует вокруг себя множество явлений действительности. Таким образом возникает пограничное состояние, при котором жанровое разнообразие текстов, из которых конструируется «избранное», предполагает и определенную дозу вымысла, в чем мы могли убедиться выше, документальную основу, опирающуюся на пережитую реальность.

Так это прочитывается в Ответах на вопросы корреспондента газеты «Правда» в 1983 и в Ответах журналу «Шпигель» в 1983 году у Ю. В. Андропова [Андропов 1983: 250, 259].

Так же — во многочисленных выступлениях К. У. Черненко: в Речи на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы, в Речи на внеочередном Пленуме ЦК КПСС, в Речи на вручении орденов городам Фрунзе, Челябинску, Тбилиси [Черненко 1984: 303, 555, 241, 338, 544].

Из речи К. Черненко при вручении городу Тбилиси ордена Ленина 29 октября 1982 г.: «А какие хорошие, добрые перемены городу приносил каждый послевоенный год! Я не хочу сказать, что все было ровно и розово. Собственно говоря, вы не хуже меня знаете о сложной политической работе, которую вам нужно было провести после известного постановления Центрального Комитета КПСС „Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС“. Это была борьба за здоровый политический климат в республике, борьба, если угодно, за ее доброе имя, за ее честь. И коммунисты Тбилиси, всей Грузии во главе с товарищем Шеварднадзе хорошо справились с задачами, поставленными Центральным Комитетом КПСС. (*Аплодисменты.*)» [Черненко 1984: 545].

Здесь необходим краткий комментарий: речь идет о том, что начиная с 1972 г., когда Э. Шеварднадзе при поддержке Ю. В. Андропова стал первым секретарем ЦК КПСС Грузии, развернулась очередная борьба с коррупцией в республике, начавшаяся с чистки партийных рядов. Именно к этому призывало то самое постановление 1975 г., о котором упоминает К. У. Черненко. Подробнее он остановится на нем в статье для журнала «Вопросы истории КПСС» за 1975 г. «Некоторые вопросы совершенствования партийного и государственного аппарата» [Черненко 1984: 65 и сл].

При этом все же четкую грань между документальным фрагментом и мифологическим в подобных дискурсах иногда провести крайне трудно. Смысл и событие могут встретиться, в итоге рождается осмысленная событийность. Ведь описываемые события, как правило, плохо документированы и не поддаются перекрестной проверке по иным источникам, так как политический лидер обязательно находится лично как бы внутри повествования. Выше мы упоминали смену грамматического включенного «мы» на личностное «я» на примере дискурса К. У. Черненко.

Приведем несколько иллюстрирующих отмеченную особенность примеров из текстов К. У. Черненко начала 80-х гг.: «Я говорю об этом потому, что постановления майского Пленума ЦК относятся именно к такого рода документам <...> В этой связи хотел бы

обратить ваше внимание на тот факт, что подготовительную работу можно по справедливости назвать концентрированным выражением всей сложившейся практики демократического подхода к подготовке таких решений <...> Я сознательно, товарищи, в своем выступлении не привожу факты и цифры... <...> Но все же я не могу удержаться, чтобы не сказать о красноярских комбайностроителях <...> Здесь я хочу, товарищи, еще раз обратить внимание на вопросы развития животноводства в вашем крае <...> » [Черненко 1984: 520, 522, 524—525].

Поясним теперь, что коммуникативно-грамматическое оформление текста связано с субъектной перспективой нарратора и с его субъектной сферой. В их взаимодействии и подмене скрываются основные, характеризующие текст предикаты «достоверности» и «субъективности». Беспристрастное изложение фактов и предполагаемая авторская оценка — еще один ключевой фактор. В дискурсе, базирующемся на концепции идентичности и правды, ощущается меньшая связь между опытом и дискурсом, чем между дискурсом и опытом. Отсюда — гипертипизация и вымышленные образы.

Как у К. У. Черненко: «Быть рядом с Лениным Ильичем, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку <...>» [Черненко 1984: 555].

По цитируемым в статье примерам видно, какую большую нагрузку имеет вымысел. Но следует помнить, что при конструировании автобиографии главная цель политика — это создание своего образа, создание своего характера на основании прожитой им жизни. При этом всегда заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути.

Тексты, опубликованные в «Избранном» Ю. Андропова и К. Черненко, в достаточной мере «оснащены» художественными приемами, их автобиографический дискурс почти неразличим, но это не значит, что он отсутствует. И это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью в подобных автодокументальных текстах.

Заключение. Обстановка, люди, среда, страна — все это изменилось по сравнению с тем, когда для адресата были актуальны тексты «Избранного» Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Наша историческая память, в попытке зацепиться хоть за какие-то отголоски прошлого, вынуждена достраивать то, чего не было, и убеждать себя, что так и было на самом деле, что, несомненно, рождает миф.

Таким образом, социальная мифологема напрямую увязана с документальностью текста, опирающегося на ненадежные механизмы человеческой памяти. Не случайно Поль де Ман и вовсе полагал автобиографию не жанром, а фигурой речи, которая так или иначе проявляется во всех текстах. Он предложил разделение на «автора текста» и «автора в тексте», в чьих сложных взаимоотношениях и прослеживается момент истины. Их взаимоотношения основаны на том жизненном опыте автора — политического лидера, когда в контексте автореферентного нарратива имеет место синтез и взаимопроникновение социального, культурного, религиозного и т. п. внутреннего мира автора, осознаваемого через мир его же самого. Взгляд на себя со стороны не всегда, конечно, объективен. Скорее и чаще даже субъективен, но он интересен тем, что автор «прочитывает» и анализирует себя самого [Поль де Ман 2019].

А это, в свою очередь, открывает для исследователя лингвоперсоналогического поля новые перспективы. Среди них — изучение автореферентного нарратива политического лидера как некоей утопии — личностной и общественной, как утопической «я»-ориентированной модели в современных и исторических социокультурных практиках [Утопические проекты... 2019].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Совмин, аббр. Совет министров СССР (син. Правительство СССР) — высший коллегиальный орган исполнительной и распорядительной государственной власти СССР в период с 1946 по 1991 г.; обладал правом законодательной инициативы; председатель Совмина — это по сути глава правительства страны; Николай Александрович Тихонов возглавлял Совмин с 1980 по 1985 г., будучи одним из самых пожилых глав правительства (с 75 до 80 лет) в послевоенной истории Европы.

[2]. Михаил Андреевич Суслов (1902—1982) — советский партийный и государственный деятель; являлся идеологом партии, и его иногда называли «серым кардиналом» советского строя и «Победоносцевым Советского Союза».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. — М.: Политиздат, 1983. 320 с.
2. Базылев В. Н. Жанры соцреализма: «Собрание сочинений» и «Избранные труды» от советских политических лидеров // Жанры речи. 2018. № 1. С. 48—55.
3. Базылев В. Н. О времени и о себе — «Дорогом Леониде Ильиче» // Политическая лингвистика. 2017. № 6. С. 12—21.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. — М.: Наука, 1994. 304 с.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. 600 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

7. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. — М. : Академический проект, 1997. 340 с.
8. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1957. Т. 8. 689 с.
9. Медведев Р. А. Андропов. — М. : Молодая гвардия, 2012. 434 с.
10. Медведев Р. А., Ермаков Д. А. «Серый кардинал». М. А. Сулов: политический портрет. — М. : Республика, 1992. 240 с.
11. Нуркова В. В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология : журн. Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 64—82.
12. Нуркова В. В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17—25.
13. Плотникова С. А. Неискренний дискурс. — Иркутск : ИГЛУ, 2000. 244 с.

14. Пол де Ман. Сопротивление теории. Современная литературная теория. Антология [Электронный ресурс]. URL: fil.wikireading.ru (дата обращения: 12.06.2019).
15. Прибытков В. В. Черненко. — М. : Молодая гвардия, 2009. 224 с.
16. Сорокин В. Г. Тридцатая любовь Марины. — М. : АСТ, 2017. 448 с.
17. Утопические проекты в истории культуры : материалы 2-й Всерос. науч. конф. / под ред. Т. С. Паниотова. — Ростов н/Д : Южный федеральный ун-т, 2019. 272 с.
18. Чазов Е. И. Хоровод смертей: Брежнев, Андропов, Черненко... — М. : Алгоритм, 2014. 570 с.
19. Черненко К. У. Избранные речи и статьи. — М. : Политиздат, 1984. 670 с.
20. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование образов политических лидеров // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14—31.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

“Shall we Take off the Caps?...”: Yuri Andropov and Konstantin Chernenko

ABSTRACT. *The article continues an authored series of psycho-political analysis of self-portraits of politicians of the Soviet epoch. The previous papers were devoted to the Soviet Communist Party leaders and statesmen – Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev. The given article looks at the analysis of self-portrait narrative of Yu. V. Andropov and K. U. Chernenko within the scientific paradigm of political linguistics. The aim of the study is to show the strategy of reading and comprehension of autobiography of a political leader as a communicative role act authorizing his self-consciousness and self-representation. The paper argues that the creation of a political narrative is determined by the main factor: the political leader is a diegetic narrator in the history of the country. The article analyzes intentional speech acts of the politician within the framework of the narrative strategy using intertext, collective narration and author's text. The research is carried out within the paradigm of modern narratology which looks at the text from the point of view of its fictionality and factuality (reality) and the types of narrators (story-tellers) and the image of the author. The article notes that Yu. V. Andropov and K. U. Chernenko do not emphasize their role in the history as vehemently as, for instance, L. I. Brezhnev, which results in a change of the style of their discourse: it becomes more documentary, dry, narrative, less subjective and not given to the denouncing tradition of the 60s. The selected works of a political leader begin to include transcripts, which demonstrates adherence to the bureaucratic and not to the literary style. It is shown how mythological and documentary strategies combine in such texts.*

KEYWORDS: *autobiographies of politicians; political linguistics; political discourse; political psychology; politicians; reading strategies; text interpretation; political narrative; linguopersonology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Dr. habil. of Philology, The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N. “Shall we Take off the Caps?...”: Yuri Andropov and Konstantin Chernenko / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 34-45. — DOI 10.26170/pl19-05-03.*

REFERENCES

1. Andropov Yu. V. Selected Speeches and Articles. — Moscow : Politizdat, 1983. 320 p. [Izbrannyye rechi i stat'i. — M. : Politizdat, 1983. 320 s.]. — (In Rus.)
2. Bazylev V. N. Genres of Socialist Realism: “Collected Works” and “Selected Works” from Soviet Political Leaders // Genres of Speech. 2018. No. 1. P. 48—55. [Zhanry sotsrealizma: «Sobranie sochineniy» i «Izbrannyye trudy» ot sovetskikh politicheskikh liderov // Zhanry rechi. 2018. № 1. S. 48—55]. — (In Rus.)
3. Bazylev V. N. About His Time and About Himself: Leonid I. Brezhnev // Political Linguistics. 2017. No 6. P. 12—21. [O vremeni i o sebe — «Dorogom Leonide Il'iche» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6. S. 12—21]. — (In Rus.)
4. Gasparov B. M. Literary Leitmotifs. — Moscow : Science, 1994. 304 p. [Literaturnyye leytmotivy. — M. : Nauka, 1994. 304 s.]. — (In Rus.)
5. Dement'ev V. V. Theory of Speech Genres. — Moscow : Sign, 2010. 600 s. [Teoriya rechevykh zhanrov. — M. : Znak, 2010. 600 s.]. — (In Rus.)
6. Derrida Zh. About Grammatology. — Moscow : Ad Marginem, 2000. 512 p. [O grammatologii. — M. : Ad Marginem, 2000. 512 s.]. — (In Rus.)
7. Dobrenko E. A. Formation of the Soviet Reader. — Moscow : Academic project, 1997. 340 p. [Formovka sovetskogo chitatelya. — M. : Akademicheskiiy proekt, 1997. 340 s.]. — (In Rus.)
8. Marks K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Works / K. Marx, F. Engels. — Moscow : Politizdat, 1957. Vol. 8. 689 p. [Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta // Sochineniya / K. Marks, F. Engel's. — M. : Politizdat, 1957. T. 8. 689 s.]. — (In Rus.)
9. Medvedev R. A. Andropov. — Moscow : Young Guard, 2012. 443 p. [Andropov. — M. : Molodaya gvardiya, 2012. 434 s.]. — (In Rus.)
10. Medvedev R. A., Ermakov D. A. “Gray Cardinal”. M. A. Suslov: a political portrait. — Moscow : Republic, 1992. 240 p. [«Seryy kardinal». M. A. Suslov: politicheskyy portret. — M. : Respublika, 1992. 240 s.]. — (In Rus.)

11. Nurkova V. V. Autobiographical Memory in the Optics of Cultural-historical and Activity Methodology // Psychology : Journ. of Higher School of Economics. 2010. Vol. 7. No. 2. P. 64—82. [Avtobiograficheskaya pamyat' v optike kul'turno-istoricheskoy i deyatel'nostnoy metodologii // Psikhologiya : zhurn. Vysshey shkoly ekonomiki. 2010. T. 7. № 2. S. 64—82]. — (In Rus.)
12. Nurkova V. V. Analysis of the Phenomenology of Autobiographical Memory from the Standpoint of the Cultural-historical Approach // Cultural-historical Psychology. 2008. No. 1. P. 17—25. [Analiz fenomenologii avtobiograficheskoy pamyati s pozitsiy kul'turno-istoricheskogo podkhoda // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2008. № 1. S. 17—25]. — (In Rus.)
13. Plotnikova S. A. Insincere Discourse. — Irkutsk : IGLU, 2000. 244 p. [Neiskrenniy diskurs. — Irkutsk : IGLU, 2000. 244 s.]. — (In Rus.)
14. Paul de Mans. Resistance to Theory. Modern Literary Theory. Anthology [Electronic resource]. [Soprotivlenie teorii. Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya]. URL: fil.wikireading.ru (date of access: 12.06.2019). — (In Rus.)
15. Pribytkov V. V. Chernenko. — Moscow : Young Guard, 2009. 224 p. [Chernenko. — M. : Molodaya gvardiya, 2009. 224 s.]. — (In Rus.)
16. Sorokin V. G. Thirtieth Love of Marina. — Moscow : AST, 2017. 448 p. [Tritsatsataya lyubov' Mariny. — M. : AST, 2017. 448 s.]. — (In Rus.)
17. Utopian Projects in the History of Culture : materials of the 2nd All-Russian scientific conf. / ed. T. S. Paniotova. — Rostov on Don : Southern Federal University, 2019. 272 p. [Utopicheskie proekty v istorii kul'tury : materialy 2-y Vseros. nauch. konf. / pod red. T. S. Paniotova. — Rostov n/D : Yuzhnyy federal'nyy un-t, 2019. 272 s.]. — (In Rus.)
18. Chazov E. I. Round Dance of Deaths: Brezhnev, Andropov, Chernenko ... — Moscow : Algorithm, 2014. 570 p. [Khorovod smertey: Brezhnev, Andropov, Chernenko... — M. : Algoritm, 2014. 570 s.]. — (In Rus.)
19. Chernenko K. U. Selected Speeches and Articles. — Moscow : Politizdat, 1984. 670 p. [Izbrannye rechi i stat'i. — M. : Politizdat, 1984. 670 s.]. — (In Rus.)
20. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. Russian Linguopolitical Personology: a Study of the Images of Political Leaders // Proceedings of Rus. University of Friendship of Peoples. Ser. : Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 14—31. [Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie obrazov politicheskikh liderov // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 1. S. 14—31]. — (In Rus.)